

12+

Экспиримент

в глубинах вселенной

Анастасия Попова

Анастасия Попова

Экспирион

<https://litres.ru/73992419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что значит жизнь в руках вселенной? Сколько разновидностей и форм можно встретить на её просторах, но готовы ли мы сами к ответам на наши вопросы. Способны ли мы смириться с жестокой реальностью.

Содержание

Экспирион	4
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Экспирион

Экспирион

Сегодня заканчивается третья фаза 18 зига и начинается сет тройного солнцестояния — самая прекрасная пора на нашей планете. Все три солнца словно успокаиваются, выстраиваясь в одну линию, не меняя своих орбит под трением гравитации, и наступает долгожданное лето. А закаты и рассветы особенно чаруют: становясь в зенит, трионы раскрашивают верхние слои атмосферы во все спектры цвета. Такое разнообразие происходит из-за мельчайших частиц, парящих в облаках озона, — наследия, доставшегося нам со дня сотворения планеты от метеорита, сбившего Нибиру с её оси и задавшего ей новую траекторию вращения на тысячи километров ближе к трионам. Своим жаром три звезды растопили льды под поверхностью, и на блуждающих островах суши зародилась жизнь.

Спустя тысячи фаз мы достигли своего рассвета и уже сами сеем зёрна жизни в отдалённых галактиках, доступных для нашего исследования. Для этого был создан огромный космический ковчег — блуждающая планета, бороздящая океаны вакуума. Ядро его — однополярное магнитное поле, ящик Пандоры, который нам удалось открыть. Управляемый магнитно-левитационным двигателем, не требующим

ни топлива, ни подзарядки, этот исследовательский ковчег бороздит просторы уже более миллиарда зиг. За своё существование он преобразил и создал примитивные формы жизни на 51 планете нашей вселенной. Три из них — триумф совершенства.

На каждой из заселённых нами планет мы оставили примитивные письма, рассказывающие о циклических законах вселенной, зашифрованные в «Дендерских зодиаках». И возможно, созданные нами формы жизни вскоре будут готовы к контакту со своими творцами.

Глава 1

Небольшая тряска присуща блуждающим островам поверхности; постепенно к ней привыкаешь, если только всю жизнь не прожил на орбите. Естественная гравитация в несколько «же» превосходит орбитальную, и от неё ломит всё тело и жутко мутит. Но и к этому можно привыкнуть. Ведь это место — вселенский дендрарий, и многие орбитяне просто мечтают ступить на поверхность. Элу намного прекраснее, чем её вид из космоса. И даже трудно представить, что всё это многообразие жизни, собранное на просторах вселенной за триллиарды зин, — искусственно созданные образцы, выращенные из пробирки.

Сенсорная голограмма, передвигаясь по конгу с лёгким потрескиванием левитационными потоками, конвертировала вчерашний беспорядок. Молодой человек, ещё не привыкший к выходкам планетарного разума высшей системы, подскочил с нагретого за лиги ложа.

— Ты кто? — спросил он, глядя на проекцию, так похожую на человеческое создание.

Проекция прекратила излучать левитационные волны, и все разбросанные накануне вещи упали в том же хаотичном порядке, что и перед началом высокотехнологической уборки.

— Для улучшения самочувствия вам необходимо просле-

довать в медицинский модуль и получить антигравитационную инъекцию.

— Ты права, — с недоверием, но согласился парень, потому что головная боль, мучившая его уже несколько кангов подряд, не затихала. — Куда надо идти?

— Следуйте за мной.

Трёхмерная проекция развернулась и последовала к выходу.

Как только ноги парня основательно коснулись пола и был сделан первый шаг, яркий, ослепляющий свет озарил весь канг. Округлые конструкции по бокам распахнулись словно ресницы, и взору открылся чарующий вид блуждающих островов. Величественные бон лазурной синевой оттеняли островки покоя от трёх испепеляющих поверхность солнц. Хотя атмосфера и была усыпана миллиардами био-дронов, раскрывающих свои лепестки во время мегавспышек трионов, всё же без бон на островах жизнь была бы невыносимой. Своей плотной синей листвой они укутывали тень блуждающие в водах бытия островки плодородной суши. Многие скажут, что на Элу нет поверхности, но это не так. Есть твёрдые островки, блуждающие по смиренному океану; иногда они соприкасаются, образуя дулии и триалы, на месте которых сразу же возникают города и новые поселения — как на поверхности, так и в океанических недрах. Ведь самой поверхности уже не хватает зиг на 200, да и в океаническом куполе климат намного лучше. Если не задумываться, конеч-

но, о том, что ты стоишь вверх ногами. Да и понятия «верх» и «низ», как и в открытом космосе, в этих сооружениях относительны.

Медицинский блок находился под поверхностью, так же как и все технические сооружения Элу. Ока-куполы закрепились под всеми блуждающими островами на глубину более 15 а, а в больших ликах — и даже 30 миконнов. В подводных городах проживало и трудилось на благо фракции более девяноста процентов населения планеты.

— Хотис Байт, пройдите в капсулу для введения антигравитационной инъекции.

Молодой крепкий парень, уже почти обессиленный от воздействия планетарных перегрузок, проследовал в прозрачный многорядный шар. Тот моментально окутал всё тело непонятным веществом, не имеющим ни запаха, ни вкуса, ни даже массы — лишь форму. Возможно, это была органика с других планет или перепрограммированная синтетика. Хотис не задумывался об этом. Мысли в его голове были лишь об одном: «Быстрее бы всё это кончилось». Субстанция вокруг него, меняя цветовой спектр, действительно облегчила муки. Спустя несколько гип голова прояснилась, позвоночник перестал ныть, вены посинели от закачанной в них меди, силы вновь вернулись, а шаг стал увереннее. И вот он — Хотис Байт, знаменитый орбитянин, белокровный исследователь других миров, появившийся на свет в кольце астероидов на спутнике Элу, — вступил на эту планету, чтобы от-

стаивать право на жизнь 51 экспериментальной колонии.

Глава 2

Конзал — эталон архитектурной мысли и самое безопасное место во вселенной, защищённое не только коркой блуждающих островов, но и тоннами океанической гряды — располагался у самого ядра планеты. Фракции не только Триалов собирались в этих подводных недрах во времена вселенских конфликтов. Ведь согласно Хартии Созвездий, уже триллиард зиг (по нашему времяисчислению) бои с применением сверхоружия нельзя вести на обитаемых или имеющих даже примитивные формы жизни планетах нашей необъятной вселенной. Сколько решений было принято под этим Ока-куполом, сколько жизней и проявлений её форм было спасено, сколько бессмысленных разногласий остановлено. А сейчас мы жаждем уничтожить то, что сотворили собственными руками, дабы о наших экспериментах с аминокислотами не узнали другие фракции.

Хотис Байт, хоть и являлся ведущим микробиологом и специализировался исключительно на новых формах жизни — как элементарных, так и более сложных, — никогда не был радикалистом, разделяющим жизнь по активности нейронных соединений. Он имел более широкий спектр понятия разума и разумного, считая, что формам присуща своя степень градации, пошагово увеличивающаяся путём эволюционного прогресса. Коллегиат считал его идеалистом. Ради-

калисты — демонстративно не слышали. Нарсаны не признавали вовсе. Для остальных же фридов он был героем, отстаивающим их права на арене титанов, мечтающих окончательно превратить их в рабов, забрав права не только на свободу, но и на само существование.

Хотис Байт был одним из первых, спустившихся в недра Ока-купола. Перелёт занял всего каких-то 20 гип, давших возможность привести мысли в окончательный порядок. Но с орбиты он был не единственным представителем: на флемэн был приглашён его друг и соратник по Эку — Ален Сар. Невозможно было скрыть бурю эмоций, подогреваемой содержанием меди в жилах, при одном лишь виде Экмы Модис, принявшей активное участие во вторжении на объект 14.

Экма была биофобом. В склонности к этому пороку её уличали шикарные золотистые локоны и длинные ногтевые пластины — явно естественного, а не искусственного происхождения. В красоте ей не было равных, как и в жестокости. Всю жизнь прожив на поверхности блуждающих островов, она не знала последствий отсутствия гравитации. Её кости были крепки, силуэт строен, а в руках таилась недюжинная сила, которую она доказывала каждый раз в показательных тибирах. Именно за счёт них она и добилась места в Конзале.

Ещё двенадцать представителей мини-фракций и опалов Хотису были не знакомы, но, как и Экма, их внешний вид не вызывал у него расположения. По принципиальным сообра-

жениям Байт был бионистом, всем своим естеством отвергающим установленные дикие, на его взгляд, порядки.

Фракприд занял своё место в овальном куполе, и все представители смиренно заняли свои места.

— Сегодня воистину исторический день. На наших плечах лежит ответственность за дальнейшую судьбу и развитие жизни на пятидесяти одной экспериментальной планете. От принятого нами решения будет зависеть судьба не только мельчайших частиц, но и вполне полноценных для применения организмов. — На мгновение Глас Кур умолк. Было видно, что и для фракприда данное решение тяжело: слишком много разногласий возникало по этим вопросам. — Предлагаю каждому фриду, приглашённому на Флэмен, имеющему Сиот, в этот исторический день высказать своё видение дальнейшей судьбы экспирионов.

— О чём речь? Экспирионы — низшие формы жизни, АК которых не превышает и 10 ет. Даже самая примитивная молекулярная активность Солима в тысячу раз сообразительнее этой формы жизни. — Глаза Экмы с каждым словом сильнее наливались медью, отчего приобретали ярко-жёлтый оттенок истинного воина.

— Именно поэтому вы уничтожили ядро объекта 14? — не удержался Сар, сжимая в кулак фиторон, заранее расставленный перед каждым участником флэмэна.

— Как мы все помним, это была вынужденная мера, — вступился за Экму Глас Кур. Он не мог остаться безучаст-

ным в дискуссиях по данному вопросу: ведь ответственность за неудавшийся экспирион 14 лежала на его плечах, а его удлинённые руки, забравшиеся за пределы его галактики, были в алой крови железных существ. И каждый раз он пытался на корню пресечь все дебаты и заткнуть рты несогласным с губительным для объекта 14 решением. — Мы просто не могли поступить иначе, на кону было наше собственное существование. Объекты развивались слишком интенсивно...

— И вы испугались. Испугались того, что они превзойдут вашу цивилизацию, обретут запретные для экспирионов технологии, начнут бороздить межгалактические пространства, наткнутся на Солимы и откроют новые возможности. В конечном итоге найдут нас и начнут задавать неудобные вопросы. Не так ли, фракприд Кур? Этого вы испугались? — Все пятнадцать фридов повернули свои лики на Хотиса Байта. Он ударил точно в цель, ошарашив своей прямоотой даже желтоглазую Экму. — И, конечно же, единственным верным способом было полное уничтожение и самих экспирионов, и сопутствующего видового многообразия планеты.

— Ну а как же заселение объекта 51? Нами были выстроены идеальные условия: и гравитационные, и температурные. Мы сотворили для них новый водный мир. И видовое многообразие объекта 51 превосходит скудность четырнадцатого объекта. Трезвый взгляд на вещи — не ваш конёк, профессор Хотис.

— А критерии ваших взглядов преимущественно определяет ваш желудок, профессор Ваг...

— Мы собрали в этом зале представителей высшего Сиота не для того, чтобы рассматривать предпочтения пищевой системы членов фракции, а для решения проблемы с заселением трёх водных миров и дальнейшей судьбы экспирионов. А вы, Байт, устроили балаган в священных стенах Конзала. — Столь нелестное замечание Гласа Кура не могло не вызвать бурных оваций биофобов, которых было численное большинство. Хотис понял, что проиграл этот бой, но он также понимал: это лишь первое сражение на пороге новой борьбы за право на существование экспирионов. Ваг тем временем продолжил свои умозаключения.

— Все мы помним печальную судьбу объекта 14 и повторять своих ошибок впредь не желаем. Взываю к вашей гуманности и предлагаю оставить объекты 3, 27, а также 51 на самостоятельное эволюционное развитие без какого-либо вмешательства. И даже если остальные фракции найдут эти объекты, никто не сможет определить нашей причастности к созданию этих оазисов жизни.

— В чём-то вы правы, — вновь заговорила желтоглазая, — но оставлять без присмотра экспирион 51 нецелесообразно. Элементарно из-за биофобических потребностей нашего вида.

Глаза Алена Сара округлились, губы скривились в неистовом отвращении. Он, как истинный экурианец, не мог да-

же допустить подобных мыслей. Вопросительный взгляд в сторону Хотиса сказал всё за него, но Байт лишь развёл руками, давая понять: они сейчас в меньшинстве. Ваг, уловив этот жестикуюляционный обмен, искривился в слащаво-торжественной ухмылке. Его глаза заблестели ярче, чем у Экмы Модис. В Конзале повисла зловещая тишина. Не успевшие высказать своей позиции фриды прикидывали, кто же выйдет победителем в этом турнире доводов и гипотез. От этой битвы зависел итог голосования, и Хотис прекрасно это понимал.

— Разве вселенскому порядку может представлять угрозу молекула из пробирки? — высказался наконец молчаливый Рич Элизер, представитель дальних опалов. — Ведь она, существуя в собственном пространственно-временном вакууме, даже не подозревает, что за ней наблюдают. Само принятие этого фактора лежит за пределами её примитивно-пространственного восприятия.

— Безусловно, вы правы, — не устоял Ваг. — И именно по этим причинам эти организмы пригодны лишь с позиции биомассы.

— Я не сторонник биофобий, — перебил его Элизар. — Больше склоняюсь к синтезированным белковым соединениям, так как они более чисты в своих РНК-соединениях.

— Для начала вспомним истоки, которые привели нас к необходимости создания экспирионов в водных и щелочных мирах, а также на газовых гигантах, — вмешался в диалог

Ален.

— Своего апогея экспирионы достигли лишь на объектах семнадцать и тридцать один.

— В таком случае, может, с них и начнём? — Все пятнадцать ликов вновь устремились в сторону Байта.

— Вы предлагаете применить сверхмолекулярное оружие против сверхмолекулярного оружия? — изумился Ваг. Его лик вновь искривился, но уже не от гнусной улыбки: он выражал всю неприязнь, которую тот испытывал к Хотису.

— А вы предлагаете оставить семи, но уничтожить жизне-способные организмы? Ведь экспирионы под благими лозунгами изначально планировались как оружие. Оружие столь мощное, что разрабатывать его в своей галсистеме вы не решились.

— Выведите Хотиса Байта на поверхность. — Глас Кур, хоть и выглядел сдержанным, но внутри его жил кипела медь. Две сенсопроекции скрутили руки парня, но тот продолжал своё выступление, невзирая на временный дискомфорт.

— Вы хотели посеять смерть, но случайно создали новые формы жизни, не подвластные вашему пониманию. А теперь вы хотите уничтожить их. Где же ваша проклятая гуманность? Как же Межпланетная хартия?

— Хартия не распространяется на искусственно выращенную жизнь, — разорвался от неистового, торжествующего смеха Ваг. — Это собственность Трионов, и только нам

решать, что делать с этой жизнью.

— Даже пространство способно воспринимать, сохранять и говорить с нами. Память вселенной не спустит вам этого с рук. Рано или поздно об этом узнают другие фракции.

— Это угроза с вашей стороны? — Лик фракприда искажился ещё сильнее.

— Это предупреждение... — последнее, что успел прокричать Байт, уже поднимаясь к поверхности и оставляя позади Око-купол. — Вселенная не простит вам таких ошибок...

Как только Хотис окончательно скрылся из виду, началось активное обсуждение судьбы экспирионов. Оставшиеся фриды, опасаясь, стали более лояльны и, следуя спектрально негласно принятой линии, высказывали навязанные им позиции. Лишь немногим из оставшихся четырнадцати удалось воздержаться. Кур вместе с Вагом виртуозно вкладывали в уста фридов именно то, что было нужно им. И уже спустя четверть канга ни у кого из присутствующих не осталось сомнений, что они лишь марионетки в этом показательном кукольном спектакле.

Глава 3

Возвращаясь на Эко, Ален Сар тонул в собственных мыслях. Идеи Байта не покидали его головы. А что, если он прав? Что, если экспирионы готовы к разумной деятельности, так же как и мы способны мыслить, чувствовать и понимать? Пусть даже разум их не столь обширен, а пространство воспринимается ими в трёхмерной необъективной проекции. Но ведь и мы не всегда были на пике развития. И нас так же, как и их, могли создать путём смешения компонентов в обычной колбе, а потом, считая неудавшимися существами, просто закрыть проект. И как можно убить жизнь, пусть и искусственного происхождения?

Тонкие худощавые руки затряслись, пальцы сковала немота. Тут, в отсутствии естественной гравитации, циозиты стали покидать его организм, выходя из тела голубоватым потом, высыхая и осыпаясь в скирин, доставляя уйму неудобств, но проясняя рассудок. Сар не любил ни планеты, ни системы астероидов. Его домом стал Эко, и только здесь он мог чувствовать себя комфортно. Постепенно забывая все прелести планетарного существования, он целиком посвятил себя своей работе, а орбитальной спутницей его стала молекулярная органика.

Когда ты живёшь в таком чуждом рукотворном мире, как Эко, для которого вселенские циклы — лишь про-

грамма, параметры которой каждый зин ты выбираешь сам, волей-неволей начинаешь ощущать себя творцом. А если учесть ещё и тот факт, что кроме тебя из живых существ — лишь мириомы, заботящиеся в основном об одеримиях, то исследования и размышления являются единственным развлечением.

Прогуливаясь после утомительного перелёта и акклиматизации среди обильной растительности одного издеримия, Ален заметил, как форил из подвида фиторима опустил свои густые стеблевидные образования к почве. Сначала он подумал, что растение погибло: слишком низко оно склонило свои ветви, практически сломав основание. Но появившийся словно из ниоткуда мириом расставил всё на свои места.

— Не пугайтесь, профессор, — раздался глуховатый звук за спиной Сара. — Это осознанный циклический выбор. Перед тем как зацвести и превратиться в одно из прекраснейших растений вселенной, оно должно погибнуть. Без гибели не может быть развития. И всё живое достигает совершенства лишь на пороге своего конца.

Ален наконец всё понял. Байт был прав. Философия мириома, наложенная на цикл развития форила, замкнула части недостающей цепи у него в голове. Он понял: медлить нельзя. Слишком много было поставлено на кон.

Экма долго не решалась поднести руку к сканеру. Слишком много противоречий кипело внутри. Те ощущения, которые она испытывала, не поддавались обычному логическо-

му строю. Противоречивые эмоции, бурлившие в её сознании, подогривала пылающая синяя кровь, текущая в жилах. Впервые в жизни Экма столкнулась с существом, равным ей по силе. Не физически — духовно. В нём было то, что она искала тысячу циклов. Пусть биологически он и был гораздо младше её, но естество его внутреннего содержания не могло не привлечь её внимания. Она ощущала это всеми нейронами, пробегающими по её телу миллиардом нервных импульсов, создающих внутреннюю незримую дрожь. Она глубоко вздохнула, на мгновение задержала дыхание и медленно выпустила из себя поток горячих молекул, в которых два атома кислорода крепко обняли один углерод. Так же крепко она жаждала заточить Хотиса в свои объятия, но не могла себе этого позволить. Для всех она была эталоном, и, не желая терять своего лика в глазах других фриидов, ей приходилось отказываться буквально от всего. Но сейчас флюиды взяли своё, заполонив рассудок несбыточными мечтами.

Рука потянулась к сканеру. Железный занавес открыл конг, в котором без права выхода был заточён Хотис Байт, измеряющий шагами пространство собственной тюрьмы. Его удивлению не было границ. Экма была последним существом во всей вселенной, которого он ожидал увидеть в данный момент. Он был бы не так удивлён Жукитезу из туманности Андромеды, давно ставшему страшной легендой, но увидеть её — вилиазу-разрушительницу создаваемых им миров — он никак не ожидал. Байт ненавидел её всем серд-

цем, считая, что именно она виновата в гибели его творения.
Он не мог скрыть ненависти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.